

ВАЛЕРИЙ ЕРМОЛЕНКО

БЕЛОРУССКИЙ СОКОЛ

К 100-летию первого дважды Героя СССР

16 сентября 1939 года на аэродроме Болбасово под Оршей приземлился истребитель И-15. С противоположной стороны аэродрома на посадку заходил другой истребитель – самолёты столкнулись... – Так погиб известнейший к тому времени советский лётчик-истребитель, командир авиаполка, первый дважды Герой Советского Союза Сергей Иванович Грицевец. Ему в то время было только 30 лет...

Сергей Грицевец родился 9 июля (16 – по новому стилю) 1909 года в деревне Баровцы Новогрудского уезда Минской губернии (ныне Барановичский район Брестской области) в семье белорусского крестьянина бедняка. Первая Мировая война и германская оккупация западных районов Белоруссии строили многие белорусские семьи с места. Семья Грицевцов оказалась в эвакуации в уральском посёлке Шумиха Оренбургской области, да так и осталась там. Во время Гражданской войны от тифа умерла мать Сергея – Анна Фоминична, осиротели четыре сына и дочь. А в июне 1927 года Сергей принёс домой аттестат об окончании средней школы. Отец трижды прочёл документ об успехах сына. Спросил:

– Что дальше?

– В Шумихе делать нечего. Думаю на завод податься, в Златоуст.

– Одобряю. Одним рабочим человеком на земле станет больше.

В Златоусте ещё в 1815 году открылась фабрика холодного оружия, получившая известность во всём мире. Сюда, на знаменитый завод, Сергея приняли учеником слесаря, причём в самый старинный из его цехов. Он начал работать по сборке рукояток клинков для красных кавалеристов. И в этом была своя романтика. Вскоре его избрали комсомольским секретарём. Потом Сергей вступил в коммунистическую партию и начал работать в городском комитете комсомола инструктором. Но душа мечтала о другом. Вот однажды к нему в кабинет влетел приятель с ошеломляющей новостью:

– Ой, Серёга, не поверишь... Объявлен призыв молодёжи в авиацию! По всей стране. Комсомол обязуется подготовить тысячи лётчиков. На наш горком пришли пять путёвок в лётные школы!

Может быть, тут инструктор комитета комсомола воспользовался своим служебным положением, но первая из пяти путёвок досталась, конечно же, ему, Сергею Грицевцу. И в 1931 году он стал курсантом Оренбургской военной школы лётчиков. Его первым взяли в учебный полёт. Вот и наступила долгожданная минута, когда он поднимется в небо, правда, пока как пассажир, позади пилота. Слышится голос инструктора Титова:

– Внимание! Показываю фигуры высшего пилотажа!

В лётных школах было принято испытывать самочувствие и поведение новичка-курсанта в каскаде головокружительных фигур ознакомительного полёта. Сергей знает, что Титов видит его лицо в зеркале. Старается держать себя молодцевато, улыбаться даже когда “душа уходит в пятки”. А самолёт описыва-

ет петли, штопорит почти до самой земли и свечой взмывает ввысь, и вновь бро-сается в отвесное пики. Сергей радостно возбуждён. “Этот будет лётать”, – решает инструктор и тоже улыбается.

Грицевец постепенно “врался” в авиацию. И вот первый полет. И опять с инструктором, но Титов теперь сидит позади и тоже держит ручку, готовый в любую секунду исправить неверное движение курсанта. И так изо дня в день – взлёт и посадка – 200 обязательных полётов с инструктором. Только потом поступает распоряжение на самостоятельный полёт. И после посадки обычно строгий Титов сообщает:

– Хорошо, Грицевец! Сел на все три точки. Поздравляю!

Вне себя от счастья, Сергей достаёт заранее припасённую пачку самых дорогих папирос “Посольские” и протягивает её Титову. Тот берёт презент как должное – такова традиция в лётной школе. Кем и когда заведена, неизвестно. Титов некурящий и по вечерам раздаёт тем же курсантам подаренное курево.

Самостоятельных полётов было много. Сергей уверенно выполняет фигуры высшего пилотажа: “бочку”, “мёртвую петлю”, “горку”. Однажды он вёл самолёт над Оренбургом, городом со 150-тысячным населением. Мотор неожиданно “зачихал” и смолк. Что делать? До аэродрома не дотянуть. Бросить машину и прыгать с парашютом? Жалко новый самолёт и опасно – внизу, на улицах много народа. Да и неизвестно, куда ещё рухнет неуправляемая машина. Нет, прыгать нельзя! Вот впереди широкая и безлюдная улица, даже собак не видно. Иду на посадку! – решает Сергей. Самолёт останавливается посередине улицы. Со всех сторон бегут к нему мальчишки, спешат взрослые. О выдержке и мужестве курсанта, сумевшего сохранить самолёт, написала городская газета, назвав этот поступок подвигом. А в школе появился плакат: “Курсанты, равняйтесь на Сергея Грицевца!”

...Выстроен лётный состав Оренбургской школы лётчиков. Вынесено знамя. Правофланговый – самый высокий – Грицевец. Зачитывается приказ, и на петлицы новенькой гимнастёрки младшего лейтенанта прикреплены первые рубиновые “кубики”. Титов на прощание даёт последнее напутствие: “Не забывай, что настоящий лётчик учится ровно столько, сколько летает!”

Сергей получил назначение инструктором в Киевскую школу лётчиков и везит туда в запечатанном сургучными печатями пакете свою аттестацию:

“...Вынослив и работоспособен в отличной степени. Обладает большим постоянством техники полётов. Теоретический курс усвоил отлично и применяет свои знания на практике. В вопросах матчасти разбирается хорошо. Летать очень любит. К полёту относится продуманно и серьёзно. В воздухе внимателен. Решения принимает правильно и быстро. Летает смело и уверенно, без лишнего удалства. В сложной обстановке растерянности нет. По специальности – истребитель. Может быть использован в тяжёлой и штурмовой авиации”.

Пройдёт всего несколько лет после окончания лётной школы, и Грицевец будет командовать авиационным полком.

...В морозный февральский вечер 1933 года в Доме Красной Армии города Киева проходил Концерт художественной самодеятельности. Ведущий объявил:

– Сейчас выступит человек-оркестр!

На сцену вышел Грицевец и начал с мандолины, потом ему подали балалайку, её сменила гитара, гитару – скрипка, а под конец Сергей сел за рояль. И на всех инструментах он играл как заправский профессионал. Незаурядные музыкальные способности у него проявились с детства. Ему много хлопали, но больше всех девушка, сидевшая в первом ряду. Сергей сразу обратил на неё внимание – так она была красива неяркой милой красотой. После выступления он шагнул на авансцену и поклонился этой милой девушке. Она покраснела и перестала хлопать в ладоши. Они вместе вышли из ДК. На следующий день Галя, а так звали девушку, показала Сергею “свой” Киев. Её глаза восторженно светились, и Сергей спросил:

– Как ты смотришь на перспективу стать женой военного лётчика?

Глаза Гали Орловой засветились ещё больше:

– Но мне надо окончить школу, скоро экзамены, и что скажет мама?..

Мама, Мария Митрофановна, сказала:

– Парень он стóящий, весёлый, видный из себя, опять-таки, скромный. Да вот только беда, что военный. Сегодня тут, а завтра уже на новом месте.

И мотайся с ним по белу свету с чемоданами да с детишками. Но лишь бы Галочка его любила, а мне всё равно. Пусть ездит с ним – куда иголка, туда и нитка...

Её предвидение сбылось скорей, чем это можно было ожидать. Через четыре месяца после женитьбы военный летчик Грицевец, привинтивший третий кубик к петлице, получил назначение на Дальний Восток. На первых порах он поехал один, а 1 марта 1934 года в гарнизон при посёлке Бочкарево Уссурийского края пришла телеграмма: “Поздравляю с рождением дочурки Ларисы, крепко обнимаю, целую, Галя”. А ещё через три месяца Мария Митрофановна получила письмо от дочери с Дальнего Востока:

“Мамочка, доехали мы благополучно. На станции встретил Серёжа. Он по-прежнему балагур и весельчак. Увидел нас, подбежал к вагону, отдал мне цветы, взял нас обеих с Ларочкой на руки и понёс к машине. Какой он у меня хороший и сильный!”

В Первой Краснознаменной истребительной авиационной эскадрилье Дальневосточного военного округа Грицевца с первых же дней сослуживцы стали называть “небесным снайпером”. Он сбивал шары-пилоты с первой же атаки, причём стрелял из разных положений самолёта, даже когда летал вверх колёсами. Все его пулемётные очереди с высоты метко поражали наземные мишени на полигоне. Он был назначен начальником воздушно-стрелковой службы эскадрильи.

На вооружение авиационных частей стали поступать новые истребители И-16 конструкции Поликарпова: машины с большой скоростью. Первым на таком самолёте поднялся Грицевец. Истребитель и в самом деле был хорош – послушный, маневренный, стремительный.

В конце 1935 года лучших лётчиков-истребителей со всех концов страны направляли на курсы воздушной стрельбы и высшего пилотажа при Одесской лётной школе. Уехал в Одессу и Грицевец, на должность инструктора этих курсов – высшей тогда “академии воздушного боя”. Сергей учил не словом, а делом. Ежедневно поднимался в небо по несколько раз – участвовал в показательных “боях”, постоянно оттачивая технику пилотирования.

Очень скоро весь мир узнал о кровопролитной войне в Испании. В защиту Испанской Республики подняли свои голоса Ромен Роллан, Бернард Шоу, Теодор Драйзер, Альберт Эйнштейн, Томас Манн, Пикассо и многие другие известные деятели мировой культуры. Ромен Роллан обратился с призывом: “Человечество! Человечество! Зову тебя! Зову вас, люди Европы и Америки, на помощь Испании!”

Все свободолюбивые люди земли восхищались героизмом мужественного народа Испании, боровшегося против своих франкистов и интервентов из фашистских Германии и Италии. Тысячи людей из разных стран мира пробрались на Пиренейский полуостров, чтобы встать в ряды борцов с фашизмом. Минувя кордоны, шли, ехали, плыли, летели в Испанию интернационалисты-добровольцы из Франции, Англии, Болгарии, США, Мексики, Югославии, Польши, Канады.

В Москве, Ленинграде, Киеве и других городах СССР проходили митинги и демонстрации солидарности с испанским народом. В октябре 1936 года в Испанию прибыли первые добровольцы из Советского Союза – лётчики, танкисты, военные советники, специалисты. Грицевец подал рапорт: “Прошу разрешить мне отправиться добровольцем сражаться в Испанию”. Его вызвал начальник училища:

– Значит, вам хочется в Испанию? А вы думаете, я туда не стремлюсь? Нас позовут, когда нужно будет. В отношении вас, например, у командования другие планы. Вы назначаетесь инструктором по обучению воздушному бою прибывших к нам испанских лётчиков!

Сергей по вечерам учил испанский язык. Вскоре он уже читает мадридскую коммунистическую газету “Мунде Обреро”. В январе 1937 года подаёт второй рапорт, потом ещё один. В начале июня его срочно вызвали к начальнику училища. Как оказалось, не только его, но и ещё пятерых старших лейтенантов. Начальник училища торжественно сообщил, что их срочно вызывают в Москву:

– Как я вам завидую! Дома об этом ни звука. Возьмите с собой смену белья, как для бани, скажите, что скоро вернётесь. Поезд уходит через два часа.

Галя почувствовала, что “баня” – это надолго, и, прощаясь с мужем, попросила:

– Ты уж, Серёжа, будь там поосторожней! Ради меня и дочки.

В Москве кроме “одесситов” оказались лётчики из Киева и Житомира. Добровольцев напутствовал начальник ВВС СССР Лактионов. В Испанию добирались вначале три дня на теплоходе “Андрей Жданов” из Ленинграда до французского порта Гавр, затем автобусом до Парижа и по железной дороге через Тулузу до испанской границы. И дальше на уже поджидавшей машине. Добирались как частные граждане, в гражданской одежде. Запомнились величественные Пиренейские горы, над которыми пришлось воевать, и гористая дорога к сердцу Каталонии – Барселоне; в 50 км от Барселоны городишко Сабадель – основной аэродром республиканцев. Советские лётчики приоделись в коричневые кожаные куртки, холщовые брюки, чёрные береты.

К прибытию их в небе Испании безнаказанно хозяйничали итальянские “капрони” и “фиаты”, немецкие “хейнкели” и “юнкерсы”. Фашисты бомбили мирные испанские города и сёла, разрушили город Гернику. Республиканцам почти нечем было дать отпор. Что может сделать один лётчик против двадцати, да ещё летая на старых самолётах? А именно такое соотношение сил сложилось тогда в небе Испании.

Франко, поощряемый Гитлером и Муссолини, был уверен, что ему быстро удастся разгромить республиканцев. К нему шёл поток военных поставок и войск из фашистской Германии и Италии. В обращении к испанскому народу по радио от имени коммунистической партии Долорес Ибаррури произнесла свою крылатую фразу “Но пасаран!” (“Они не пройдут!”), ставшую девизом народного ополчения.

Советский Союз в те годы оказал большую помощь испанскому народу. В порт Аликанте пароходом “Курск” прибывали “родственники” и “подарки” – истребители И-16, разведчики Р-5, бомбардировщики СБ. Испанцы бросали вверх шляпы и береты, дружно скандировали:

– Вива Руссия Советика!

В марте 1937 года была одержана блистательная победа республиканцев над итальянским экспедиционным корпусом под Гвадалахарой. “Мунде Обреро” тогда вышла с крупным заголовком через всю первую страницу: “Разгром итальянцев стал возможным благодаря героизму русской авиации”. Разгром был полный. Наступление на Мадрид потерпело крах.

На пикнике по случаю победы у Гвадалахары Эрнест Хемингуэй отметил: “Я тут облазил все места, видел результаты вашей работы. Это настоящая победа! Это – начало победы над фашизмом. Фашизм обязательно сломает себе шею”.

Теперь три-четыре “юнкерса” даже под охраной истребителей не рискуют появляться над Мадридом, приходят стаями по 20–30 машин, окружённые целым роем “хейнкелей”. Но создаётся впечатление, что у республиканцев тоже много самолётов. Это потому, что все они сразу поднимаются в небо по тревоге, делая по восемь-десять боевых вылетов в день. Не успевают остывать моторы. Лётчики отдыхают в кабинах, сюда им приносят еду. И никто не ропщет – конвейер русских самолетов действует безотказно.

Между тем, Франко объявил, что 7 ноября будет в Мадриде – так фашисты хотели омрачить праздник Октябрьской революции в СССР. В конюшню стоял белый конь, на котором диктатор собирался въехать в столицу; своим приказом он назначил мэра Мадрида. И во всём мире посчитали, что Мадрид находится в предсмертной агонии. В небе столицы Испании появились 50 фашистских самолётов. Но тут же из-за облаков налетели несколько советских И-16. Более 10 вражеских машин, было сбито, остальные позорно бежали. Воздушный бой над Мадридом закончился победой советских лётчиков. Приехавшая к ним Долорес Ибаррури, как всегда, говорила страстно:

– Пусть ваша авиация и впредь беспощадно разрушает берлоги фашистского зверя, вырывает у него когти и клыки, подбивает ему крылья!

Грицевец возглавил одну из эскадрилий истребителей-добровольцев и 9 июля 1938 года принял крещение – сбил свой первый самолёт неприятеля. После посадки, идя по лётному полю, Грицевец напевал: “Я пришёл в беседу, где с тобой встречались...”, что было признаком хорошего настроения. Этот романс он напевал почти каждый день. И это был признак новой его воз-

душной победы. Но даже при сбитых самолётах порой было не до романсов – среди наших лётчиков тоже были потери.

В одном бою Грицевец спас испанского лётчика Мигуэля, который столкнулся с девятью фашистскими самолётами. Гореть бы Мигуэлю как спичке, но Сергей налетел на вражью стаю, мгновенно сбил три самолёта, остальные удрали. Вечером испанцы торжественно вручили ему памятный подарок – никелированный браунинг с выгравированной на ручке надписью по-русски: “За спасение в бою”.

А однажды и сам попал в переплёт. Сбив в одном бою 7 немецких самолётов, при израсходованном боекомплекте, отбивался... винтом. Но вот все, кто был на аэродроме, увидели, что его самолёт идёт на посадку, но как-то странно – боком. Чувствовалось, что вот-вот с ним что-то произойдёт: Сергей бросил самолёт в штопор, а почти у самой земли выровнял и посадил брюхом на траву за пределами лётного поля. Правое крыло истребителя было отрезано пулемётными очередями, элероны повреждены, в фюзеляже не счесть пробоин, а винт до неузнаваемости согнут.

Очередной номер “Мунде Обреро” вышел с “шапкой”: “Да здравствуют пилоты Республики! Слава героям воздуха!” Ниже сообщалось, что произошло неслыханное: республиканский лётчик Сергио сбил за один боевой вылет 7 фашистских самолётов. Английская газета “Дейли ньюс”, считавшаяся либеральной, оповестила весь мир крупным заголовком “Русский лётчик Сергей Грицевец – человек изумительной храбрости: в одном воздушном бою он сбил сразу 7 немецких самолётов”.

В небе Испании, защищая Республику от фашистских мятежников Франко, Грицевец получил настоящее крещение огнём. Однажды, когда лётчики его эскадрильи отдыхали после шестого боевого вылета, на аэродром налетела армада фашистских самолётов. В этот чрезвычайно опасный момент в ожесточённой схватке эскадрилья Грицевца уничтожила 20 вражеских самолётов. А всего за сто дней боёв в Испании он лично сбил более 30 самолётов. Об этом сообщили все газеты.

Советские лётчики покидали Испанию за несколько дней до массового отъезда интернационалистов, вынужденных уезжать из страны в виду соглашения о “невмешательстве” в испанские дела, достигнутого между великими державами, хотя это соглашение на деле игнорировали фашистские союзники Франко. Столица Каталонии провожала интернационалистов торжественно и грустно одновременно. Всем было ясно, что без интернациональной помощи силы республики, противостоящие фашизму, будут ослаблены.

В конце октября наши лётчики были на испано-французской границе. Из Парижа поехали в Брюссель, а затем в Антверпен. На родину возвращались всё на том же теплоходе “Андрей Жданов”. Москва встретила “испанцев” ранним мокрым снегом приближающейся зимы. В родное Одесское училище бывший старший лейтенант Грицевец возвратился уже майором. В квартире раздались частые и короткие звонки по азбуке Морзе. Галя кинулась открывать дверь. На пороге по стойке “смирно” стоял Сергей. Отдавая честь, он рапортовал:

– По вашему вызову явился прямо из “бани”!

– А ты всё такой же балагур и весельчак! – и расплакалась...

В день 21-й годовщины Красной Армии на праздничном построении в Одессе был торжественно оглашён Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1939 года о присвоении Грицевцу звания Героя Советского Союза. В строю громче всех кричал “ура” Георгий Грицевец – младший брат Сергея, который пошёл по его стопам и стал лётчиком-истребителем; осенью 1941 года лейтенант Георгий Грицевец не вернулся из боя...

Звезду Героя Сергею вручал Михаил Иванович Калинин в парадном золотисто-белом Георгиевском зале Кремлёвского дворца, в присутствии Долорес Ибаррури.

Недолго длилась мирная передышка. Через несколько месяцев под крылом самолёта промелькнула государственная граница СССР и Китая, пустынные горные кряжи, Великая Китайская стена. С июля 1939 года Сергею пришлось воевать против японских самураев на реке Халхин-Гол. И в одном из боёв он совершил подвиг, который вошёл в историю советской авиации – спас командира авиационного полка Забалуева. Вот как это описывает в своих воспоминаниях маршал Георгий Константинович Жуков:

“Однажды во время преследования группы японских самолётов летчик-истребитель Герой Советского Союза С. Грицевец обнаружил отсутствие в строю самолёта своего командира В. Забалуева. Приостановив преследование, Грицевец стал искать пропавший самолёт. Он сделал круг над районом последней атаки и заметил наш самолёт в степи на территории японских войск, в 60 километрах за линией фронта. Снизившись до бреющего полёта, Грицевец увидел Забалуева около своего самолёта – видимо, произошла авария. Что делать? Не колеблясь, Грицевец принимает решение: идти на посадку и во чтобы то ни стало спасти своего командира. Как это принято у нас ещё со времен Суворова – сам погибай, но товарища выручай!

Сесть на территории противника крайне рискованно, ничтожная случайность: лопнет камера, колесо попадёт в ямку, заглохнет мотор – конец. По сути дела, Грицевец сел прямо в пасть врагу. Да и как подняться вдвоём на одноместном самолёте? Отважный и всегда спокойный Грицевец мастерски посадил свой самолёт на изрытую воронками площадку рядом с самолётом Забалуева. Он буквально втащил своего командира в свою тесную кабину. Затем на виду у опешивших солдат противника, бежавших к самолёту, развернул самолёт против ветра и взвился в воздух с двойной нагрузкой. Японцы настолько растерялись, что забыли о своём оружии; ни одного выстрела не раздалось по взлетающему самолёту. На остатках бензина Грицевец благополучно дотянул до своего аэродрома”.

Весть о его небывалом подвиге молниеносно распространилась по частям, сражавшимся в монгольских степях, – не только лётчики, но и танкисты, артиллеристы, кавалеристы, пехотинцы восхищались героическим спасением командира авиаполка.

Подвиг Грицевца взволновал весь фронт; корреспондент красноармейской газеты спросил его: “Разве вам смерть не страшна?” – и услышал в ответ: “Но есть ещё совесть, она – сильнее смерти!” Через несколько дней о подвиге Грицевца сообщили все центральные газеты СССР, миллионы людей восхищались его поступком, поэты писали о нём стихи.

“Денёк был интересный!” – говорил обычно Грицевец при посадке на аэродроме в Халхин-Голе. Это означало, что на его счету прибавился ещё один, а то и несколько сбитых японских самолетов. На Халхин-Голе превосходно показало себя эффективное оружие – первые советские боевые ракеты и реактивные снаряды. Установленные на истребителях, они ошеломили японских лётчиков. Так Грицевец на своём И-16 за несколько дней сбил ещё 12 японских самолётов!

Генерал авиации Арсений Ворожейкин, молодым лётчиком воевавший на Халхин-Голе, написал в своих мемуарах о сильных сторонах Грицевца: молниеносная находчивость и виртуозность владения самолётом в бою. А генерал авиации, дважды Герой Советского Союза Павел Головачёв так писал о своём земляке – Грицевце: “Он поражал меня и моих сверстников беспредельным мужеством, расчётливой дерзостью, горячим сердцем, светлым разумом и непревзойдённым мастерством. А ещё удивительной общительностью, простотой, весёлым нравом, большой чуткостью к товарищам и подчинённым”.

Маршал Монголии Чойбалсан наградил Грицевца орденом Боевого Красного Знамени Монгольской Народной Республики, а Советское правительство – второй Золотой медалью “Герой Советского Союза”. В начале сентября 1939 года в Кремле Иосиф Виссарионович Сталин сказал Грицевцу, получившему назначение в Оршу: “Освободим Западную Белоруссию и поставим бронзовый бюст дважды Героя на освобождённой земле!”

К несчастью, дважды Герой Советского Союза, знаменитый белорусский лётчик погиб в авиакатастрофе на аэродроме под Оршей. Он, столько раз глядевший в глаза смерти в грозном небе и всегда побеждавший, погиб от нелепой случайности на земле. В это никто не мог поверить...

Правительство даже не решилось сообщить скорбную весть в газетах. Его похоронили около аэродрома, на котором он совершил последнюю посадку. Галина Грицевец в это время родила вторую дочку Нину, никогда не видевшую отца. Галя так и не оправилась после известия о гибели мужа и болела несколько лет вплоть до своей преждевременной смерти. Внучек воспитала бабушка Мария Митрофановна. Лариса посвятила себя авиации, стала специалистом по приборостроению, кандидатом технических наук. Нина работала

художником-модельером в знаменитом Театре кукол народного артиста СССР Сергея Образцова.

Именем Сергея Грицевца названы улицы в Москве, Ленинграде, Минске, Орше, Барановичах, Ганцевичах, железнодорожная станция в Барановичском районе, Чугуевское военное авиационное училище близ Харькова и Минский аэроклуб. На родине в деревне Баровцы установлена мемориальная доска. Поставлены памятники в Минске, Барановичах, бронзовый бюст на месте гибели героя в деревне Болбасово Оршанского района. До самой смерти в кабинете пожилого генерала Забалуева висел портрет его спасителя – Грицевца.

Легендарный военный летчик Грицевец стал первым в СССР дважды Героем Советского Союза. Ещё до начала Великой Отечественной войны, когда прославленные русские асы Покрышкин и Кожедуб только начинали свой путь в авиацию, Грицевец в свои 30 лет уже сбил около 50 вражеских самолётов. Как не хватало такого лётчика в годы Великой Отечественной войны, особенно в самом начале этой великой войны, когда ожесточённые воздушные бои развернулись в родном для Сергея Грицевца небе Белоруссии. Но крылатая память о легендарном белорусском соколе, конечно, вдохновляла советских асов на бесстрашие и мужество в борьбе с врагом.